

ИЗ АРХИВА

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ: ПЕРЕПИСКА П.Н. САВИЦКОГО С Н.И. КАРЕЕВЫМ

Е.А. Долгова, А.В. Малинов

Евгения Андреевна Долгова | <https://orcid.org/0000-0002-3902-7142> | medievalis@list.ru | д. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь 6, ГСП-3, Москва, 125047, Россия)

Алексей Валерьевич Малинов | <https://orcid.org/0000-0002-1252-919> | a.v.malinov@gmail.com | д. филос. н., профессор | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

Савицкий, Кареев, Гумилев, евразийство, месторазвитие, интеллектуальный диалог, эмиграция, эпистолярное наследие, кочевые народы

Аннотация

Настоящая публикация посвящена анализу переписки лидера евразийского движения Петра Николаевича Савицкого и историка Николая Ивановича Кареева, выявленной в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Публикуемые ниже письма Савицкого (№ 1 и № 2) содержат размышления молодого евразийца о соотношении расы и культуры; представленные в развернутой и яркой форме тексты были написаны в ответ на полемические замечания Кареева. Внимание авторов вступительной статьи привлекает один из самых спорных, по их мнению, моментов в данной переписке – ответ Савицкого на филологическую критику термина “месторазвитие”: на исторических примерах он подробно обосновывает связь между культурой, ее носителем-народом и месторазвитием, понимая под последним “соответствие между культурной ориентацией данной группы и избранной ею территорией”. Важным сюжетом письма № 1 являются рассуждения Савицкого об историческом развитии – он называл его номогенезом и усматривал сходство идеи “предопределения” с теорией биологической эволюции. Авторы настоящей статьи приходят к выводу, что переписка во многом проясняет не только систему личных взаимоотношений между Савицким и Кареевым, но и раскрывает каналы коммуникации, посредством которых евразийство заявляло свои права в русской науке и завоевывало место в смысловом содержании русской мысли.

Информация о финансовой поддержке

Государственное задание Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [номер госрегистрации № АААА-А20-120070890028-5] (проект № FSZG-2020-0019)

Статья поступила 17.02.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 06.06.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Долгова Е.А., Малинов А.В. Малоизвестные страницы евразийского движения: переписка П.Н. Савицкого с Н.И. Кареевым // Этнографическое обозрение. 2022. № 1. С. 84–102. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010067>

Dolgova, E.A., and A.V. Malinov. 2022. Maloizvestnye stranitsy evraziiskogo dvizheniia: perepiska P.N. Savitskogo s N.I. Kareevym [Obscure Pages of the Eurasianist Movement: The Correspondence of P.N. Savitsky with N.I. Kareyev]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 84–102. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010067>

...письмо Ваше... принимаю как весьма поучительное
и глубоко интересное для меня.
(П.Н. Савицкий – Н.И. Карееву, 30 сентября 1928 г.)

История евразийского движения насчитывает целое столетие. В 1921 г. в Софии вышел первый сборник – “Исход к востоку”, положивший начало новому общественно-политическому течению в среде эмигрантов. Авторы сборника (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский) предприняли пересмотр целого ряда устоявшихся канонов русской мысли: от схемы русского исторического процесса до оснований русской культуры, от причин революции 1917 г. и поражения белого движения до изменения отношения к власти большевиков.

Евразийское движение, представлявшее собой смелый опыт самостоятельной русской мысли (безусловно, имевший истоки в наследии XIX и начала XX вв.) и являвшееся оригинальным направлением в философии русского зарубежья, уже современниками было оценено неоднозначно. По словам Н.А. Бердяева, «это – единственное пореволюционное идейное направление, возникшее в эмигрантской среде, и направление очень активное. Все остальные направления, “правые” и “левые”, носят дореволюционный характер и потому безнадежно лишены творческой жизни и значения в будущем» (Бердяев 1925: 134–135). Однако евразийство начало подвергаться критике практически сразу после публикации “Исхода к Востоку” (1921); споры вокруг этого движения не утихают до сих пор (Шнирельман 2002). Оценивая значение течения, известный русский историк П.Н. Милюков писал, что “то, что у них правильно, то не ново, а то, что ново, то неправильно” (Милюков 1994). Яростную полемику евразийцы вели и с другими, не менее известными противниками – Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, И.А. Ильиным, А.А. Кизеветтером. В 1931 г. Петр Николаевич Савицкий, подводя итог первому десятилетию евразийского движения, выпустил в Праге брошюру “В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах”, в которой запротоколировал различные взгляды на данное философское направление в эмигрантской и зарубежной печати (Савицкий 1997б). Активное и даже агрессивное распространение евразийских идей было надломлено “кламарским расколом” 1929 г., а во второй половине 1930-х годов их развитие во многом сошло на нет: политизированные тексты тех лет имели мало общего с исходным интеллектуальным импульсом. Основатели движения по разным причинам отстранились от своего детища (Казнина 1995; Соболев 1992; Шнирельман 1996), и евразийство, утратившее творческий импульс, на какой-то период стало всего лишь одним из предметов эмигрантских споров, но сохранилось в качестве наиболее значимого общественно-политического течения русского зарубежья (Пащенко 2003: 5).

Лишь три десятилетия назад евразийство начало возрождаться, оживленное интеллектуальной харизмой и личным обаянием Л.Н. Гумилева, который, при всей дискусионности этой преемственности и мифотворчестве вокруг идеи о непрерывном существовании на протяжении всего XX столетия евразийских идей (Ларюэль 2001), протянул нить от евразийства 1920–1930-х годов к неоевразийским течениям, появившимся в 1990-е годы (Ларюэль 2004; Шнирельман 2006; Шнирельман, Панарин 2000). Работы евразийцев начали переиздаваться; однако возрождающееся движение быстро переросло в политическое мировоззрение, носящее эпигонский характер, стремящееся конвертировать идейное наследие во властные дивиденды и заполнить расширяющийся идеологический

вакуум в постсоветском обществе нетривиальными гипотезами (о процессе см.: *Шнирельман* 1996; *Карлов* 1997). Евразийство обрело второе дыхание. В этот период, собственно, и начинается его исследование. В то время как политологи и философы тиражировали и транслировали озвученные евразийцами новые для советского читателя смыслы, историки погрузились в архивы, содержимое которых позволяет как воссоздать атмосферу, в которой зарождалось евразийство, так и существенно скорректировать устаревшие интерпретации.

Богатый материал для изучения истории евразийского движения дает переписка его участников. Она во многом проясняет не только систему личных взаимоотношений, но и раскрывает каналы коммуникации, посредством которых евразийство заявляло свои права в русской науке и завоевывало место в смысловом содержании русской мысли (актуальность исследования коммуникативного пространства переписки, проливающей свет на возникновение и развитие евразийского движения, его внутренние дебаты, отношение к различным интеллектуальным течениям первой трети XX в., подтверждают вызвавшие значительный интерес научные публикации: *Глебов* 2010; *Ефимов* 2013; *Ларюэль* 2001; *Трубецкой* 2009; *Записки* 2011–2012). Однако до сих пор обширный пласт переписки не введен в научный оборот: письма до сих пор обнаруживаются в личных фондах респондентов евразийцев. Так были выявлены публикуемые ниже письма (№ 1 и № 2) Савицкого патриарху отечественной школы истории Французской революции, социологу, философу и методологу науки Николаю Ивановичу Карееву (1850–1931), найденные в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ. Ф. 119).

Хотя географ, экономист, геополитик, культуролог, философ, поэт Савицкий (1895–1968) после смерти основателя движения – лингвиста, философа Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938) – фактически становится идейным лидером евразийцев, его подход к культуре как сложному и динамичному явлению не получил значительного развития в евразийской мысли (*Шнирельман* 1996: 8; о его роли как “последнего евразийца” см.: *Ларюэль* 2001). В этом отношении фигура Савицкого стоит особняком и привлекает внимание исследователей. Систематизировано его творческое наследие (*Байссвенгер* 2009), о нем регулярно издаются монографии (*Матвеева* 2016) и статьи (*Вахитов* 2013; *Лавринова* 2013; *Прокуденкова* 2012; *Мелих* 2013; *Быстрыюков* 2018; *Weisswenger* 2010), защищаются диссертации (*Быстрыюков* 2003; *Полухин* 2007; *Соколов* 2008); также подготовлены статьи в энциклопедических изданиях (*Байссвенгер* 2012). Внимание исследователей привлекает и богатое эпистолярное наследие ученого (*Записки* 2011–2012).

Во второй половине 1920-х годов Савицкий вступил в переписку с учеными, оставшимися в советской России; эта переписка, вероятно, преследовала несколько целей. Прежде всего он стремился наладить контакты с соотечественниками, которые могли быть привлечены к евразийскому движению, и распространять среди них свои идеи. Л.П. Карсавин писал С.Л. Франку в 1926 г.: “Для нас важно, что ев[разийст]во, помимо собственных своих задач, вызывает симпатию <...> и является некоторым группирующим началом” (*Оболевич* 2018: 71). Кроме того, евразийцы, признававшие русскую революцию как свершившийся факт, надеялись встретить понимание своего восприятия власти большевиков в среде эмигрантов; однако монархическая в своей массе эмиграция не могла смириться с поражением белого движения и ожидала реванша. Представители же “старой науки” в советской России были вынуждены принять и признать новую власть, а, значит, с большей степенью вероятности могли бы согласиться с евразийцами. В попытке завязать отношения с представителями старого академического сообщества, оставши-

мися в России, также заключалась надежда на то, что евразийцы смогут найти сочувствие и другим своим идеям. Евразийцы явно ощущали недостаток признания со стороны официальной науки; отчуждение от академического сообщества усиливал следующий факт: как уже говорилось выше, основная часть эмиграции (монархическая по своему составу) не приняла учение и деятельность евразийцев, что нередко приводило к скандалам. Положительные отклики со стороны ученых старшего поколения означали бы принятие евразийцев академической наукой. Оставалась надежда на то, что деятели науки в СССР, которые не приняли идеологический схематизм марксизма, но и не опускались до открытой и зачастую грубой критики советской власти (как поступало большинство русских эмигрантов), могут отнестись с интересом к формирующейся евразийской концепции. Даже само вступление в полемику означало бы косвенный факт признания со стороны ученых. Кроме того, личная переписка была для евразийцев каналом, позволявшим следить за исторической литературой, выходявшей в советской России, и получать новые книги. Так, например, в одном из писем Савицкий, приславший Карееву книгу Г.В. Вернадского “Начертание русской истории” (Прага, 1927), сочинение Н.П. Толля “Скифы и гунны” (Париж, 1928) и свою статью “О задачах кочевниковедения. Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского”, напоминал своему респонденту о том, что ожидает получения его трехтомного труда “Историки французской революции”, изданного в Ленинграде в 1924–1925 гг., а также работ Кареева по философии истории. Наконец, нельзя упускать из виду и политическую составляющую: в том же 1927 г., когда началась переписка Петра Николаевича с Николаем Ивановичем, Савицкий “тайно” посетил СССР для встречи с представителями организации “Трест”. Впрочем, политический подтекст в его письмах Карееву не просматривается.

В личном фонде Кареева хранятся два упоминавшихся выше письма Савицкого, адресованные ему (ОР РГБ: Л. 1; Л. 2–5). Вероятно, это лишь завершающая часть их полемической переписки, скорее всего не очень обширной. Известно как минимум о нескольких отправлениях – от 16 ноября 1927 г. (открытка Кареева), от 2 декабря 1927 г. (письмо Кареева), от 27 сентября 1928 г. (письмо Кареева), от 30 сентября 1928 г. (упомянутое письмо Савицкого с посылкой статьи “Задачи кочевниковедения”), от 15 марта 1929 г. (почтовая карточка Савицкого), от 1 апреля 1929 г. – отправка книг Кареевым Савицкому (Долгова 2015: 335, 336, 376, 456). Сам факт переписки примечателен, а содержание ее нуждается в публикации: она прекрасно иллюстрирует отдельные аспекты взаимодействия различных научных традиций и поколений, позволяет уточнить степень взаимного интеллектуального влияния. С Кареевым Савицкий мог познакомиться еще в пору своего обучения в Политехническом институте в Санкт-Петербурге, куда он поступил в 1913 г. на экономическое отделение и где Кареев преподавал с 1902 по 1914 г. Правда, разница в возрасте и положении мало способствовала их сближению.

Дошедшее до нас письмо Савицкого (№ 1, от 30 сентября 1928 г. [ОРГ РГБ: Л. 2–5]) было ответом на послание Кареева, в котором он излагал свои критические замечания по поводу понятия “месторазвитие”. Можно предположить, что едва ли сам престарелый ученый выступил инициатором переписки. Его письмо, скорее всего, было ответом на обращение к нему Савицкого, по-видимому, приславшего оттиски своих публикаций (вероятно, это была статья “Географический обзор России-Евразии”, в которой он впервые употребил термин “месторазвитие”). В дневниках Николая Ивановича в записи от 2 декабря 1927 г. стоит пометка: “Разбор теории Савицкого. Письмо Савицкому”

(цит. по: *Долгова* 2015: 336), несколькими неделями ранее была отправлена и почтовая карточка (вероятно, благодарственного характера). Таким образом, переписка вряд ли началась ранее 1927 г. Письма Савицкого этих лет показывают, что он регулярно отправлял адресатам отписки своих публикаций. Об этом можно судить, например, по его переписке с византинистом Ф.И. Успенским, имевшей место в те же годы (*Робинсон* 1992).

Письмо Савицкого Карееву предвзвешивает и поясняет мысли, позже окончательно сформулированные в вышеупомянутой статье “О задачах кочевнико-ведения...”, вышедшей в Праге в Евразийском книгоиздательстве в 1928 г. Публикация раскрывала смысл термина “месторазвитие” – одного из ключевых понятий евразийства, предполагающего строгую привязку этноса к привычному ландшафту, внимание к географическому, а не биологическому или социальному факторам развития этноса, иными словами – неразрывную связь этнических коллективов со своими особыми природными нишами (*Шнирельман* 2006: 9). В изданной Савицким книге “Евразийская библиография 1921–1931 гг. Путеводитель по евразийской литературе”, которая была опубликована под псевдонимом “Степан Лубенский” и содержала аннотации вышедших работ по вышеуказанной тематике, он писал следующее: “Под этим термином (“месторазвитие”. – *Е.Д., А.М.*) П.Н. Савицкий обозначил социально-историческую среду, рассматриваемую неотрывно от ее территории”, а далее приводил цитату из своей брошюры “Россия – особый географический мир” (Прага, 1927):

Культурные традиции оказываются как бы вросшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся “культурно-устойчивыми”, приобретают особый, специально им свойственный “культурный тип”... Порукой тому, что отмечаемые черты обособленности и целостности Евразии имеют не только географическое, но также историческое значение служит русская историософия. В вековом развитии, независимо от тех или иных географических определений... она пришла к пониманию России как особого исторического мира. Не может быть случайным совпадение географического и историософского вывода, возникших независимо друг от друга: Россия как особый географический и Россия как особый исторический мир. Этим совпадением в чрезвычайной мере обосновывается категория “месторазвития”, стяжение воедино географических и исторических начал (цит. по: *Горизонтов* 1992: 97).

Этот геополитический подход, устанавливающий жесткую однонаправленную связь между гомогенным природным ландшафтом, культурой и государственным образованием, стал важной методологической основой евразийства; проблема заключалась в его субъективности и резкой политической тенденциозности (*Шнирельман* 2002: 16).

Термин “месторазвитие” стал одной из главных категорий евразийства, войдя в состав их философско-исторического и геополитического учений. Частое обращение к нему современных ученых, занимающихся исследованиями в областях, далеких от истории или философии, подтверждает его эвристический потенциал и укорененность в языке отечественной науки. «С рождением термина “месторазвитие”, – отмечает К.Б. Ермишина, – начинается евразийская философия пространства, а его философский словарь пополняется все новыми терминами. Месторазвитие означает территорию взаимодействия среды и человека, место встречи природного, антропологического и надприродного фактора. <...> Совокупность условий позволяет определять типы месторазвитий и историческую судьбу народов» (*Ермишина* 2017: 141). В становлении самобытной культуры Савицкий подчеркивал приоритет месторазвития, а не этноса или расы. «...культура “первее” расы», – писал он Карееву (ОР РГБ: Л. 3). Более того, в письме Петр Николаевич уточнял, что месторазвитие – это не только пространство, в котором вызревает культура и осуществляется история,

но и среда, соединяющая историю с биологией. Иными словами, этнос через хозяйственную деятельность оказывался неразрывно связанным с местными природными условиями, в особенности с “привычным ландшафтом”¹. Он не случайно употреблял выражение “ногогенез или предопределенная эволюция”, прямо отсылая к концепции Л.С. Берга, которая, в свою очередь, была сформулирована в качестве альтернативы дарвинизму. Тем самым Савицкий обозначал привязку своего учения к критике дарвинизма, восходящей, по крайней мере, к Н.Я. Данилевскому. Евразийство демонстративно придерживалось партикуляристского подхода, подчеркивавшего уникальность исторического развития локальных культур. В рамках данного подхода культура рассматривалась не как политическое и социально-экономическое единство, а как культура-личность, для описания которой были разработаны специальные термины, такие как “народ-личность”, “симфоническая личность”, “соборная личность”, “культурный организм” и проч. (об интеллектуальном влиянии традиции немецкой географии и культурологии см.: *Шнирельман* 2006: 4–5).

В статье “О задачах кочевниковедения...”, сопровождающей письмо № 1, Петр Николаевич делал еще больший акцент на расхождении евразийства с позитивистским мировоззрением и методологией. Постмодернистские мотивы, включающие этническое многоголосье и отвергающие саму идею единой истины, проявились в реабилитации кочевой тюркской культуры (Там же: 5). Так, Савицкий провозглашал: «Кочевой быт представляет не “стадию”, но месторазвитие» (*Савицкий* 1997а: 364). В отечественной научной традиции главную роль в исторической реабилитации кочевников сыграли исследования и экспедиции сибирских областников. Как известно, 3 марта 1891 г. в Антропологическом обществе в Петербурге Н.М. Ядринцев выступил с докладом “Значение кочевого быта в истории человеческой культуры”, в котором доказывал культурную самобытность кочевников, обосновывая кочевой быт в качестве самостоятельной цивилизации, имеющей большие заслуги перед человечеством. Однако Н.М. Ядринцев исходил из просветительской в своих истоках модели линейного развития культурных форм. Савицкий же, признавая его фактическую правоту, порывает с линейным (стадиальным) восприятием развития культуры. Кочевое месторазвитие он обозначал как “хингано-карпатский прямоугольник степей”. Термин “месторазвитие”, таким образом, означал отказ от стадиальной, а, следовательно, линейной модели исторического процесса. Стадиальность заменялась системой географически обусловленных месторазвитий (степного и периферийных). Общность месторазвития демонстрировала цивилизационное единство региона, культурно-историческую преемственность народов, хронологически далеко стоящих друг от друга, но существовавших в одном месторазвитии. Культура, подчеркивал Савицкий, определяется месторазвитием, а не происхождением народа.

В ранних работах Петра Николаевича много деклараций и культурно-исторических панорам, написанных широкими мазками. В подтверждение своих идей он привлекал данные других наук, “дополнял евразийскую концепцию истории с точки зрения географии, экономики и геополитики” (*Ермишин* 2019: 233). Исследования Савицкого зачастую имели эклектический характер, не всегда прямо подтверждались историческими фактами, не вписывались в общепринятые рамки академической науки и поэтому служили хорошей мишенью для критики. В такой ситуации удержаться от упреков не смог и Кареев.

Содержание письма Николая Ивановича, ответом на которое стало публикуемое послание Савицкого, нам не известно; однако остается надежда на то, что оно сохранилось в чешских архивах. Мы можем лишь реконструировать ответ

Кареева, опираясь на его опубликованные работы, и попытаться восстановить часть его аргументов. Задачу упрощает то, что взгляды Кареева в течение жизни практически не менялись: он продолжал быть верным последователем позитивизма. Даже в первой трети XX в. Николай Иванович оставался в некоторой степени ученым прошлого столетия. В своих исследованиях он сосредоточивался на изучении политических и отчасти идеологических (мировоззренческих, научных) движений. Например, рассматривая национальный вопрос, в частности “славянское возрождение”, он выводил его не из особенностей природной и социально-исторической среды, а из гуманитарных предпочтений представителей романтизма, приподнявшегося на славянской почве. «Самый интерес к народности, – писал он в “Истории Западной Европы в Новое время”, – беря его в научном смысле, – был характера более этнографического, чем социологического. И старая история изучалась более в связи с филологией и фольклором...» (Кареев 1916: 409). Природно-климатическую среду он допускал в историю и культуру лишь в качестве одного из факторов исторического процесса. Не вдаваясь в оценку географического детерминизма, отметим, что Кареев рассматривал его в качестве составной части концепции многофакторности исторического процесса, признавая за ним важное, но все же ограниченное значение. Более того, из письма Савицкого можно сделать вывод, что Кареев как представитель гуманитарной науки XIX в. подошел к новому учению прежде всего с историко-филологической стороны. Так, Савицкий упоминает о “филологической критике”, которую высказывал его адресат в отношении термина “месторазвитие”; последний, вероятно, не видел нужды расширять привычный словарь географического детерминизма.

В конце 1910-х и начале 1920-х годов Кареев подготовил ряд исследований социологического и методологического характера (“Общие основы социологии”, “Основы русской социологии” и “Общая методология гуманитарных наук”), сумев опубликовать только первое из них. В нем он признавал роль природной среды в формировании культуры народа, отмечая, что

... и теперь всем ясно, что природа страны, как влиятельный и столь постоянно действующий фактор в исторической жизни народа, накладывает свою печать на все стороны, определяя тем самым, что находится для него в области возможного и что для него не возможно. Однако, в самой природе не все остается абсолютно неизменным (вырубка лесов, осушка болот, распахивание степей, улучшение почвы, порода скота и т.д.), а в то же время развитие культуры расширяет область возможного. В общем, однако, все-таки природа страны вносит своеобразие и постоянство в жизнь населения в очень многих отношениях (определяя занятия и образ жизни, содействуя сближению между отдельными частями страны или, например, горами раздробляя ее на обособленные местности и т.п.) (Кареев 1919: 184–185).

Для народа и его культуры, полагал Кареев, природа является не столько фактором устойчивости культурных форм и общих характеристик народного быта, психологии и мировоззрения, сколько условием, провоцирующим инертность культуры, ее малую изменчивость, а порой и косность. Он писал:

Комбинируясь в своих следствиях, постоянные физические свойства страны, природные расовые свойства, более или менее прочно сложившиеся привычки в разных сферах жизни, определяют собою и весь социальный строй и быт народа в их своеобразии по сравнению с другими народами в их большем или меньшем постоянстве в истории самого народа. Конечно, меняется, но медленно и постепенно, то или другое в природе страны под влиянием деятельности самого же народа, меняется кое-что и в природенных свойствах человека (“раса”, напр., улучшается или происходит ее вырождение), особенно многим изменениям подвержены привычки, нравы, традиции, определяющие национальный характер, но, в общем, во всем этом есть своя устойчивость, лежащая в основе

и устойчивости социальных форм, как продуктов совокупного действия условий внешней природы страны, прирожденных свойств ее населения и всего того, что создается психическим взаимодействием, подражательностью, традицией. Но не нужно упускать из виду, что традицией передаются не только интраментальные элементы культуры, но и экстраментальные, составляющие в своей совокупности существующий политический строй, действующее объективное право, установившиеся хозяйственные порядки, также отличающиеся инертностью (Кареев 1919: 185–186).

Значение природного ландшафта и климатических условий, принимаемое Кареевым с упомянутыми им оговорками, сильно корректируется другими факторами социально-исторического развития: экономикой, влиянием соседей, происхождением и составом населения, активностью исторических личностей и т.п. Более того, история движется в направлении, когда не природа будет определять культуру, а, наоборот, культура будет менять природную среду. В этом кроется один из признаков прогресса.

Кареев действительно не был готов пожертвовать прогрессом, в котором видел смысл самой истории. В свое время установление смысла исторических событий он ставил в задачу философии истории, точнее, историософии. “В философии истории, – отмечает современный исследователь, – Кареев усматривает возможность объединить усилия истории и философии: одна, на его взгляд, способна собирать и конструировать факты прошлого, другая – оценивать эту картину и находить объединяющее начало истории разных народов. Инструментом для такого объединяющего начала у Кареева становится общественный прогресс как главная историософская идея” (Михайлова 2020: 216). Идея прогресса получала свое оправдание в линейной модели социально-исторического универсализма. Евразийство же меняет саму метафорику исторического нарратива: история мыслится не в виде линии или лестницы прогресса, а в качестве поля или, говоря словами Н.Я. Данилевского, “поприща исторической деятельности человечества”, на котором все культуры равноценны. В брошюре “Европа и человечество” (1920) Трубецкой призывал отказаться от оценки в этнологии и истории культуры. Савицкий дает этой пространственной метафоре поля новое емкое название – “месторазвитие”. Еще несколькими десятилетиями ранее в полемике с Н.Я. Данилевским Кареев критиковал идею локальных, самобытных цивилизаций (Михайлова, Бельчевичен 2012: 75–77). В этом его позиция совпала с оценкой труда Н.Я. Данилевского В.С. Соловьевым (Сидорин 2020: 12). Несмотря на значительные расхождения и разные философские ориентации, В.С. Соловьев в целом комплиментарно относился к философско-историческим поискам своего гимназического товарища². Принцип же месторазвития давал новое обоснование цивилизационной обособленности культур и народов, объяснял их разнообразие и несводимость к одному типу.

Еще один существенный признак исторического прогресса, в восприятии Кареева, – это развитие личности. Николай Иванович следует либеральному пониманию личности как индивида или биологической особи, изначально наделенной разумом и волей (разумной волей или практическим разумом), действующей свободно и представляющей собой некую устойчивую сущность, т.е. сохраняющую свою идентичность на протяжении практически всей жизни, что дает основание для наделения личности правами. Евразийцы и здесь меняют смысловые координаты восприятия личности. Л.П. Карсавин привносит в евразийство учение о симфонической личности, которое восходит к славянофильской концепции “цельной личности”. Являясь убежденным западником, Кареев не может это принять.

Впрочем, эмигрантская историография подает и другой пример переосмысления нового понятия (“месторазвитие”) при сохранении верности пози-

тивистской методологии. Готовя в 1929–1930-х годах новое издание “Очерков по истории русской культуры”, П.Н. Милюков обратился к понятию “месторазвитие”, постепенно занимающего осмысленное место в тезаурусе русской исторической мысли. Он не подвергал сомнению универсальность исторического процесса, в котором допускал параллелизм как один из видов единства сходств и своеобразий, раскрывающийся “как единство географической среды и археологического быта”. Для обоснования общности исторического процесса П.Н. Милюков и обратился к данному термину: «Идеей, объединяющей черты своеобразия и сходства процесса – и дающей возможность разумного синтеза тех и других, является понятие “месторазвитие”» (Милюков 1993: 33). При этом он оговаривался, что влияние физических условий, своеобразных внешних границ общественно-исторического процесса, частью которых является месторазвитие, наиболее полно проявляется лишь в начале истории. Последующий ход развития культуры демонстрирует подчинение сил природы и овладение ими. Замечание известного историка и политика не прошло незамеченным, и “обширная евразийская литература провозгласила Милюкова своим основателем” (Вандалковская 1992: 152). Впрочем, в своих рассуждениях русский историк не выходил за пределы привычного географического детерминизма, признающего “зависимость каждой национальной культуры от той среды – того географического места, в котором совершается ее развитие” (Милюков 1993: 66–67). Географический детерминизм, уточнял он, “дает впервые возможность научно обосновать причинную связь между природой данного месторазвития и поселившимся в нем человеческим обществом” (Там же: 67). Опора на географический детерминизм позволяла и Карееву мыслить в рамках привычной позитивистской модели многофакторности социально-исторического процесса. Новое же понятие претендовало на тотальность, подрывающую, для Кареева, монополию позитивистского мировоззрения. Он, вероятно, не считал географический детерминизм устаревшим, а его эвристические возможности исчерпанными, хотя, как можно предположить, и не видел необходимости в его новом (евразийском) издании. Более того, месторазвитие детерминировало этнические и культурные процессы, в то время как для Кареева природно-климатическая среда оставалась одним из исторических факторов, наравне с уровнем культуры и особенностями населения.

Оставшемуся в Ленинграде Карееву новое издание “Очерков по истории русской культуры”, скорее всего, не было доступно, и он не мог оценить интеллектуальную гибкость своего коллеги. Впрочем, русская история никогда не была предметом его специальных исследований. Еще менее Кареева интересовала история кочевых народов, из фактов которой евразийцы черпали материал для своих историософских построений. Опираясь на разные источники и обращаясь к различным интерпретационным схемам, Кареев и евразийцы приходили к разным выводам. Правда, ответ Кареева свидетельствовал о том, что он серьезно воспринял заявку евразийцев, вероятно, увидев в ней рациональное зерно, достойное критического отклика.

Ниже публикуется текст двух писем Савицкого – от 30 сентября 1928 г. (ОР РГБ: Л. 2–5) и от 15 марта 1929 г. (Там же: Л. 1). Первое – развернутое размышление, сопровождавшее присылку оттиска “О задачах кочевниковедения...”, второе – краткая записка на почтовой карточке. Текст публикуется по современным правилам орфографии и пунктуации. Стилистические особенности рукописи, отличительные черты расположения текста на листе сохранены в целях аутентичной передачи источника. В документе сохранены пометки автора – Савицкого и читателя – Кареева. Курсивом обозначены под-

черкивания Савицкого в тексте письма, подчеркиванием – отметки красным карандашом, сделанные Кареевым. Восстановленные публикаторами фрагменты даются в квадратных скобках, сокращения документа, публикуемого не полностью, обозначены <...>.

Письма П.Н. Савицкого Н.И. Карееву, 1928–1929 гг.

№ 1

Střešovice, с. 407, Praha, Tschechoslovakai
[Пр. Пролетарской победы, д. 24, кв. 6, Васильевский остров,
Ленинград, СССР]

30 сентября 1928 г.

(Л. 2)

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Я получил своевременно Ваше обаятельное и чрезвычайно интересное для меня письмо от 2.XII.1927 г. Примите за него мою сердечную признательность. Задержка с ответом вышла из-за того, что ответ этот я хотел приурочить к посылке вам некоторых новых исторических работ. Как всегда, осуществление не вполне отвечает планам, и также сейчас я не могу послать Вам задуманную мной книгу “Культура Древней Евразии”, над которой работал все последние месяцы³. Не знаю даже, когда смогу закончить эту книгу, т[ак] к[ак] в настоящий момент оторван от работы многочисленными текущими делами. Пока же посылаю слабый *подмалевок к этой работе* – статью мою “О задачах кочевниковедения”. Еще в начале августа я распорядился выслать Вам книгу Н.П. Толля “Скифы и гунны”⁴. Очень хотел бы знать, получена ли Вами эта книга.

Я полагаю, что с точки зрения языка, как он существовал раньше, Ваша филологическая критика термина “месторазвитие” совершенно правильна. Однако же, *укрепление термина* “месторождение” в геологии, термина “местопроисхождение” в ботанической географии и термина “местообитание” в географии зоологической, (Л. 2об) все это – совершившиеся факты. Нет ни одной книги, по каждой из этих специальностей, в которой эти термины не употреблялись бы. А это означает, что *строй языка изменился*, что грамматические формы приобрели *новый смысл*. Ведь смысл этих словообразований не возбуждает ни в ком ни малейших сомнений. И часто ведь то, что раньше было неправильно, потом становится правилом. Язык изменяется непрерывно. В частности же, для русского языка наше время есть эпоха языковой “мутации”, подобная, как мне кажется, Петровской эпохе. Все это и дало мне основания образовать термин “месторазвитие”. Его право на существование (в обозначенных выше условиях) – в его слаженности и в удобстве манипулирования с ним. Определяя понятие, гораздо правильнее (было “удобнее”; исправлено Савицким. – Е.Д., А.М.) обозначать его одним словом, чем двумя или несколькими словами. И хотя бы сами по себе слова эти и были весьма выразительными (пример: Ваше обозначение [было “выражение”; исправлено Савицким. – Е.Д., А.М.]: “место, где происходит развитие”).

Да, если хотите – между культурой и ее месторазвитием существует *предопределенное* соответствие. Это положение можно применить и к соотношению между носителем культуры, народом и его месторазвитием. Но признакам

этническим и расовым, вообще говоря, я придаю (Л. 3) второстепенное значение. Мне представляется, что культура “первее” расы. И когда в дальнейшем я буду говорить о тех или иных народах, я буду рассматривать их, прежде всего, как носителей определенной культуры. Итак, существует предопределенное соответствие между культурой и ее месторазвитием. Позвольте привести несколько примеров. Скифы – носители первой конной культуры в Евразии. Между тем, территория, отвечающая геродотовской Скифии, по данным с[ельско]х[озияственной] переписи 1916 г.⁵, есть единственная территория в Евразии, где количество лошадей на кв[адратную] версту превосходило в том году одиннадцать⁶. Цифра, в данном случае, конечно, не имеет значения. Важно то, что геродотовская Скифия и через н-ное столетие после Геродота остается наиболее конной страной Евразии. А мы знаем, что скифская культура не была создана этой страной. Скифы вторглись сюда с востока, т[о] е[сть], так сказать, “выбрали” ее в качестве своего месторазвития. Как же тут не говорить о (Л. 3об) соответствии между конной скифской культурой и “выбранной” ею страной. Поглядим на древнейшую земледельческую культуру Евразии – т[ак] наз[ываемую] “трипольскую” культуру неолита. Ее месторазвитие – три губернии 1916 г.: Полтавская, Киевская и Подольская. По данным той же с[ельско]х[озияственной] переписи 1916 г., губернии эти, по десяткам признаков, выделяются из всей территории Евразии как область наиболее интенсивного земледелия. Есть соответствие между трипольской культурой⁷ и “местом, где происходило развитие”. А посмотрите, какой “садок” для отбора мореплавателей представляют собой Британские острова. *Англичанин как мореплаватель вовсе не “создан” природою этих островов* и, напротив, ирландцы, наиболее древняя из существующих здесь исторических групп, вовсе не являются мореплавателями по преимуществу. Британские острова являются “месторождением”, которое *последовательно выбрал в качестве места для поселений целый ряд исторических групп*, уже и без того хлынувших к морю и чувствовавших себя на море как в своей стихии: англо-саксы (V в.), датчане (VIII в.), норманны (XI век). В результате этого длительного и сложного процесса “отбора мореплавателей” явился (было “рожден”; исправлено Савицким. – *Е.Д., А.М.*) тип англичанина-бороздителя морей. Есть “*избирательное сродство*” (Л. 4) между теми группами, которые выбирали Британские острова для поселения, и природою этого острова. Вспомним наших ходоков за Урал, выбиравших (в самом буквальном смысле) земли для своих односельчан. Представим себе, что эти селяне... (предложение зачеркнуто в тексте письма. – *Е.Д., А.М.*). В результате создавалось соответствие между культурной ориентацией данной группы и избранной ею территорией. Но для того, чтобы подобное соответствие создалось, необходимо (было “нужно”; исправлено Савицким. – *Е.Д., А.М.*), чтобы была такая группа и существовала такая территория. И чтобы группа могла избрать эту территорию и территория могла получить эту группу. Упомянутые условия я и называю “предопределением” (было «разумею под “предопределением”»; исправлено Савицким. – *Е.Д., А.М.*). Совершенно неожиданно здесь оказалось схождение (было “Совершенно неожиданно для себя в этом определении я сошелся...”; исправлено Савицким. – *Е.Д., А.М.*) с современной теорией эволюции. Теория эта прямо полна понятием о предопределении. Беру первую пришедшую в память формулировку: “основные пути изменчивости ограничены и как бы предопределены, подобно химическим соединениям из атомов” (В.Н. Хитрово. Природа Орловского края. Орел, 1925. С. 274⁸). Читая биологическую литературу, такие формулировки приходится отмечать (было “можно приводить”; исправлено Савицким. – *Е.Д., А.М.*) сотнями. В известном смысле, даже поселение негров в южных широтах “предопределено”. В Канаде подобное не-

гритянское население не могло бы создаться (нет соответствия (Л. 4об) *между физиологической природой группы и природой страны*). Все эти случаи, эти стороны, которые мы называем “соответствием”, “избирательным сродством” или “предопределением” – всё это черты в одном большом понятии номогенеза (термин принадлежит Л.С. Бергу, 1922⁹). Номогенез или *предопределенная эволюция* – вот категория, которая охватывает не только биологическое, но также и историческое развитие (было “эволюцию”; исправлено Савицким. – *Е.Д., А.М.*). В человеческом развитии предопределение не отрицает свободы: оно делает эту свободу организованный (отграничивает свободу от произвола), поставяет ее в определенные условия, окружение.

Мне неловко злоупотреблять Вашим вниманием. Скажу очень кратко по поводу других интереснейших мыслей Вашего письма. Невозможно отрицать связей евразийского мира с Западом. Но посмотрите, *сколь отличным от оригинала становится все, что попадает в Евразию* – хотя бы и с Запада. Это резко чувствуется, например, при сопоставлении, например, западного и российского социализма (казалось бы, явления интернационального!).

Еще хочу Вас заверить, что письмо Ваше я не только не посчитал резким, но принимаю его как весьма поучительное и глубоко интересное для меня.

(Л. 5). Если бы Вы нашли минуту прочесть мои “Задачи кочевниковедения”, я был бы бесконечно *признателен за замечания*. Хотя и имею на это мало надежды, так как тема, конечно, весьма специальна и едва ли может Вас заинтересовать.

Не теряю надежды *получить от Вас что-либо из Ваших весьма мною ценимых работ*. В особенности, хотелось бы иметь у себя Ваши вещи по философии истории. За каждую вещь, которую оказалось бы возможным прислать, был бы весьма благодарен.

От души желаю Вам всего наилучшего и еще раз благодарю за Ваше весьма для меня поучительное письмо.

Преданный Вам, П. Савицкий.

P.S. Вы предполагали, что, может быть, напишете *на книгу Г.В. Вернадского рецензию*¹⁰. Было бы очень интересно знать, осуществилось ли это намерение? *Ut in litteris*¹¹, Савицкий.

№ 2

Střešovice, c. 407, Praha, Tschechoslovakai
[Пр. Пролетарской победы, д. 24, кв. 6, Васильевский остров,
Ленинград, СССР]
Николаю Ивановичу Карееву

15 марта 1929 г.

Глубокоуважаемый Николай Иванович! В письме вашем от 27.IX.1928 Вы поставили мне вопрос, нужна ли мне книга Ваша об историках Французской Революции¹². Я ответил, что очень ею интересуюсь и был бы весьма признателен за присылку ее мне. К сожалению, до сих пор не получил этой книги. Был бы очень благодарен за высылку этой книги по нижепоказанному адресу. Надеюсь в ближайшее время направить Вам новейшие мои работы¹³. Очень хотел бы узнать, над чем Вы работаете в настоящее время. Шлю Вам мои сердечные пожелания. Искренне Ваш, П. Савицкий.

Примечания

¹ О преемственности идей, перерастании понятия “месторазвитие” в учение о хозяйственно-культурном типе, о связи с концепцией “этноценоза” Л.Н. Гумилева (“Один ландшафт – один этнос”) см.: *Шнирельман* 2006: 9–10.

² “...при всем критицизме Соловьева ко многим аспектам концепции Кареева многое из воззрений последнего было ему симпатично. Думается, что при всех различиях между глубоко религиозной философией Соловьева и во многих аспектах позитивистски ориентированной теорией Кареева первому была близка не только сама попытка создания цельной философско-исторической концепции и идея высокого исторического призвания личности, но и общий пафос, заключающийся в понимании сферы моральных идеалов, нравственной деятельности личности как ключевого фактора исторических изменений, главного двигателя социальной эволюции” (*Сидорин* 2020: 13).

³ Книга так и не была издана.

⁴ Имеется в виду издание: *Толль* 1928. Позднее два ключевых для евразийства текста вошли в первый выпуск книги “Опыт истории Евразии” (1928). О значении последнего сборника для последующей рецепции идей см. цитату Л.Н. Гумилева: «Другой общеметодологический принцип евразийского учения, а именно принцип полицентризма, я усвоил самостоятельно, размышляя над вопросами, которые волновали и евразийских теоретиков. <...>. Позже я прочел в Публичной библиотеке книгу Толля о скифах <...>, но ни Савицкого, ни Георгия Вернадского, ни евразийских сборников в библиотеках в те сталинские времена, конечно, не было. Правда, в экземпляре книги Толля, который мне попался, было приложение – статья Савицкого “О задачах кочевниковедения: почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?..”. Поэтому я вынужден был соображать сам и доходить до многого, так сказать, своим умом» (цит. по: *Шанбай* 2013: 583).

⁵ Имеется в виду первая всероссийская сельскохозяйственная перепись, проведенная в мае-июле 1916 г. и охватившая 77 губерний и областей европейской и азиатской России – территорию империи, кроме районов, занятых неприятелем (вся Гродненская, Ковенская, Холмская губернии и части Виленской, Волынской, Курляндской, Минской и др. губерний), четырех областей на Кавказе (Батумской, Дагестанской, Карской и Закавказского округа) и двух областей на крайнем северо-востоке Сибири (Камчатская и Якутская).

⁶ Подстрочное примечание Савицкого: “При этом замечательно, что совпадение границ герод[отовской] Скифии и [подсчетов] в 11 лошадей на кв[адратную] в[ерсту], весьма точно, насколько можно говорить о точности при состоянии наших исторических знаний”.

⁷ Трипольская культура – археологическая культура энеолита и раннего бронзового века (середина V тыс. до н. э. – 2650-е годы до н. э.) на территории Молдавии, лесостепи и степей Украины от долины реки Днепр и западнее.

⁸ Не вполне точная сноска. Верно: *Хитрово* 1925.

⁹ Имеется в виду: *Берг* 1922.

¹⁰ Имеется в виду: *Вернадский* 1927. Рецензия Н.И. Кареевым подготовлена не была.

¹¹ Лат. “Как обычно пишут”. Здесь: неформальная приписка, заменяющая повтор: “Преданный Вам”.

¹² Имеется в виду: *Кареев* 1924–1925.

¹³ Вероятнее всего, имеются в виду тексты-оттиски из: *Савицкий* 1928а, б, с; *Савицкий* 1929.

Источники и материалы

- Берг* 1922 – *Берг Л.С.* Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей. Петроград: Гос. изд-во, 1922.
- Бердяев* 1925 – *Бердяев Н.А.* Евразийцы // *Путь*. 1925. № 1. С. 134–139.
- Вернадский* 1922 – *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории: с прилож. “Геополитических заметок по русской истории” П.Н. Савицкого. Ч. 1. Прага: Евразийское кн-во, 1927.
- Записки 2011–2012 – Записки Русской академической группы в США. Т. XXXVII. N.Y., 2011–2012.
- Кареев* 1916 – *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Т. V: История Западной Европы в средние десятилетия XIX века (1830–1867). Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916.
- Кареев* 1919 – *Кареев Н.И.* Общие основы социологии. Петроград: Наука и школа, 1919.
- Кареев* 1924–1925 – *Кареев Н.И.* Историка французской революции. Т. 1–3. Л.: Колос, 1924–1925.
- Милюков* 1993 – *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 1: Земля. Население. Экономика. Сословие. Государство. М.: Прогресс, 1993.
- Милюков* 1994 – *Милюков П.Н.* Евразианизм и Европеизм в русской истории // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1994. С. 56–66.
- Оболевич* 2018 – *Оболевич Т.* (подгот.) Письма Льва Карсавина и Лидии Карсавиной к Семену и Татьяне Франк // *Философский полилог. Журнал международного центра изучения русской философии*. 2018. № 2. С. 68–82.
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 11. Д. 9–10. Автограф, подлинник.
- Савицкий* 1928а – *Савицкий П.Н.* К познанию русских степей // *Версты*. № 3. Париж, 1928а. С. 215–241.
- Савицкий* 1928б – *Савицкий П.Н.* К проблеме индустриализации // *Евразийская хроника*. Вып. 10. Париж, 1928б. С. 61–63.
- Савицкий* 1928с – *Савицкий П.Н.* По Доуралью и Сибири // *Евразийская хроника*. Вып. 10. Париж, 1928с. С. 88–97.
- Савицкий* 1929 – *Савицкий П.Н.* Задание евразийства // *Евразийский сборник*. Кн. VI / Ред. Н.Н. Алексеев и др. Прага: Политика, 1929. С. 4–5.
- Савицкий* 1997а – *Савицкий П.Н.* О задачах кочевниковедения // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997а. С. 342–370.
- Савицкий* 1997б – *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997б. С. 160–216.
- Шанбай* 2013 – *Шанбай Т.К.* (сост.) Лев Гумилев: энциклопедия. М.: Художественная литература, 2013.
- Толль* 1928 – *Толль Н.П.* Скифы и гунны: из истории кочевого мира. Прага: Евраз. книгоизд-во, 1928.
- Трубецкой* 2009 – *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому, 1921–1928 / Подгот. К.Б. Ермишиной. М.: Русский путь, 2009.
- Хитрово* 1925 – *Хитрово В.Н.* (под общ. ред.) Природа Орловского края: сборник / Сост. В.А. Беляев и др. [Орел]: Тип. Труд, 1925.

Научная литература

- Байсвенгер М.Э.* Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): библиография опубликованных работ. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека, 2009.
- Байсвенгер М.Э.* Савицкий П.Н. // Большая Российская энциклопедия. Т. 29: Румыния – Сен-Жан-де-Люз. М.: Большая российская энциклопедия, 2015. С. 193–194.
- Быстряков В.Ю.* Общественно-политическая и научная деятельность Петра Николаевича Савицкого в годы эмиграции (1920–1938 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Самарский государственный педагогический университет, Самара, 2003.
- Быстряков В.Ю.* Культурные особенности России-Евразии в концепции П.Н. Савицкого // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 211–215.
- Вандалковская М.Г.* П.Н. Милуков и А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992.
- Вахитов Р.Р.* Теологическая структуральная геософия П.Н. Савицкого // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 13 (304). С. 145–148.
- Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое изд-во, 2010.
- Горизонтов Л.Е.* Евразийство, 1921–1931 гг.: взгляд изнутри // Славяноведение. 1992. № 4. С. 86–104.
- Долгова Е.А.* (ред.) Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. М.: РОССПЭН, 2015.
- Ермишин О.Т.* Философия русского зарубежья XX в. М.: Летний сад; Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019.
- Ермишина К.Б.* Месторазвитие и ритмы Евразии: к обоснованию философии евразийства // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 4. С. 135–148.
- Ефимов М.* Рец. на: Глебов С.В. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое изд-во, 2010 // Ab Imperio. 2013. № 4. С. 282–287.
- Казнина О.А.* Н.С. Трубецкой и кризис евразийства // Славяноведение. 1995. № 4. С. 89–95.
- Карлов В.В.* Евразийская идея и русский национализм (по поводу статьи В.А. Шнирельмана “Евразийская идея и теория культуры”) // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 3–13.
- Лавринова Н.Н.* Категория “месторазвитие” в концепциях русских мыслителей начала XX века // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 11 (57). С. 199–202.
- Ларюэль М.* Когда присваивается интеллектуальная собственность, или о противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии. 2001. № 4 (15). С. 5–19.
- Ларюэль М.* Идеология русского евразийства. Мысли о величии империи. М.: Natalis, 2004.
- Матвеева А.М.* Геополитическая концепция истории России П.Н. Савицкого. М.: Прометей, 2016.
- Мелих Ю.Б.* Евразийцы как “осознаватели культурно-исторического своеобразия России” // Историко-философский ежегодник. 2013. № 2012. С. 296–327.

- Михайлова Е.Е.* Эволюция историософских воззрений Н.И. Кареева: от Москвы до Петербурга // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 210–222.
- Михайлова Е.Е., Бельчевичен С.П.* Позитивизм и марксизм в России: проблема социокультурного развития. Тверь: Изд-во ТФ МГЭИ, 2012.
- Пащенко В.Я.* Социальная философия евразийства. М.: Альфа-М, 2003.
- Полухин А.Н.* Историческая концепция П.Н. Савицкого (теоретико-методологический аспект). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томский государственный университет, Томск, 2007.
- Прокуденкова О.В.* Категория “месторазвития” в концепции евразийцев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3 (12). С. 11–15.
- Робинсон М.А.* Письмо П.Н. Савицкого Ф.И. Успенскому // Славяноведение. 1992. № 4. С. 83–85.
- Сидорин В.В.* Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев: к творческой истории “Оправдания добра” // Соловьевские исследования. 2020. № 4. С. 8–19. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2020.4.008-019>
- Соболев А.В.* Своя своих не познаша. Евразийство: Л.П. Карсавин и другие // Начала. 1992. № 4. С. 49–58.
- Соколов Д.Е.* Геополитическая теория П.Н. Савицкого. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 2008.
- Шнирельман В.А., Панарин С.А.* Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3 (10). С. 5–37.
- Шнирельман В.А.* Евразийская идея и теория культуры // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 3–16.
- Шнирельман В.А.* Русские, нерусские и евразийский федерализм: евразийцы и их оппоненты в 1920-е годы // Славяноведение. 2002. № 4. С. 3–20.
- Шнирельман В.А.* Лев Гумилев: от “пассионарного напряжения” до “несопоставимости культур” // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8–21.
- Beisswenger M.* Eurasianism: Affirming the Person in an “Era of Faith” // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and Defence of Human Dignity / Eds. G.M. Hamburg, R. Pool. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 363–380.

Research Article

Dolgova, E.A., and A.V. Malinov. *Obscure Pages of the Eurasianist Movement: The Correspondence of P.N. Savitsky with N.I. Kareyev* [Maloizvestnye stranitsy evraziiskogo dvizheniia: perepiska P.N. Savitskogo s N.I. Kareevym]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 1, pp. 84–102. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010067> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Evgeniya Dolgova | <https://orcid.org/0000-0002-3902-7142> | medievalis@list.ru | Russian State University for the Humanities (Miuskaya sq. 6, GSP-3, Moscow, 125047, Russia)

Alexey Malinov | <https://orcid.org/0000-0002-1252-9193> | a.v.malinov@gmail.com | St. Petersburg University (7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Savitsky, Kareev, Gumilev, Eurasianism, *mestorazvitie*, intellectual dialogue, emigration, epistolary legacy, nomadic peoples

Abstract

The article examines the correspondence between Pyotr Nikolaevich Savitsky, one of the key leaders of the Eurasianism movement in Russia of the 20th century, and the prominent historian Nikolai Ivanovich Kareev. This correspondence, discovered in manuscript archives of the Russian State Library, sheds light on Savitsky's views, as a young Eurasianist, on the relationship between race and culture, which were expressed in response to Kareev's critical comments and remarks. One of the most controversial issues in the correspondence is the discussion of the term *mestorazvitie* (local development). Drawing on historical cases, Savitsky expounds on the connection between culture, nation, and *mestorazvitie*, taking the latter to mean a "conformity between the cultural orientation of a given group and its chosen territory". Further of interest and importance is Savitsky's thinking on the subject of historical development; he called it *nomogenez*, detecting similarities between the idea of predetermination and the theory of biological evolution. We argue that the correspondence not only unwraps the minutiae of personal relationships of the interlocutors, but also illuminates the communication channels through which Eurasianism claimed its rights in the Russian academic discourse and gained its particular place and position in the Russian thought.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Ministry of Education and Science of the Russian Federation [registration number AAAA-A20-120070890028-5] (project number FSZG-2020-0019)

References

- Beisswenger, M.E. 2009. *Petr Nikolaevich Savitskii (1895–1968): bibliografiia opublikovannykh rabot* [Pyotr Nikolaevich Savitsky (1895–1968): Bibliography of Published Works]. Praga: Natsional'naia biblioteka Cheshskoi Respubliki – Slavianskaia biblioteka.
- Beisswenger, M. 2010. Eurasianism: Affirming the Person in an "Era of Faith". In *A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and Defence of Human Dignity*, edited by G.M. Hamburg and R. Pool, 363–380. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beisswenger, M.E. 2015. Savitskii P.N. [Savitsky Pyotr Nikolaevich]. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia* [The Great Encyclopedia of Russia]. Vol. 29, *Rumyniia – Sen-Zhan-de-Liuz* [Romania – Saint-Jean-de-Luz], 193–194. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia.
- Bystriukov, V.Y. 2003. *Obshchestvenno-politicheskaia i nauchnaia deiatel'nost' Petra Nikolaevicha Savitskogo v gody emigratsii (1920–1938 gg.)* [Socio-Political and Scientific Activity of Pyotr Nikolaevich Savitsky During the Years of Emigration (1920–1938)]. PhD diss., Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.
- Bystriukov, V.Y. 2018. Kul'turnye osobennosti Rossii-Evrazii v kontseptsii P.N. Savitskogo [Cultural Features of Russia-Eurasia in the Concept by Piotr N. Savitsky]. *Samarskii nauchnyi vestnik* 7 (2/23): 211–215.
- Dolgorova, E.A., ed. 2015. *Uchenyi v epokhu peremen: N.I. Kareev v 1914–1931 gg.* [Scholar in the Era of Change: Nikolay I. Kareev in 1914–1931]. Moscow: ROSSPEN.

- Efimov, M. 2013. Review of *Evraziistvo mezhdru imperiei i modernom: istoriia v dokumentakh* [Eurasianism Between the Empire and Modernity: History in Documents], by S.V. Glebov. *Ab Imperio* 4: 282–287.
- Ermishin, O.T. 2019. *Filosofia russkogo zarubezh'ia XX v.* [Russian Abroad Philosophy of the XX Century]. Moscow: Letnii sad; Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna.
- Ermishina, K.B. 2017. Mestorazvitie i ritmy Evrazii: k obosnovaniuu filosofii evraziistva [Local Development and Rhythms of Eurasia: To Substantiate the Philosophy of Eurasianism]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* 18 (4): 135–148.
- Glebov, S. 2010. *Evraziistvo mezhdru imperiei i modernom: istoriia v dokumentakh* [Eurasianism Between the Empire and Modernity: History in Documents]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Gorizontov, L.E. 1992. Evraziistvo, 1921–1931 gg.: vzgliad iznutri [Eurasianism, 1921–1931: An Insider's View]. *Slavianovedenie* 4: 86–104.
- Karlov, V.V. 1997. Evraziiskaia ideia i russkii natsionalizm (po povodu stat'i V.A. Shnirelmana “Evraziiskaia ideia i teoriia kul'tury”) [The Eurasian Idea and Russian Nationalism (about the Article by V.A. Shnirelman “The Eurasian Idea and the Theory of Culture”)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 3–13.
- Kaznina, O.A. 1995. N.S. Trubetskoi i krizis evraziistva [N.S. Trubetskoy and the Crisis of Eurasianism]. *Slavianovedenie* 4: 89–95.
- Lariuel', M. 2001. Kogda prisvaivaetsia intellektual'naia sobstvennost', ili o protivopolozhnosti L.N. Gumileva i P.N. Savitskogo [When Intellectual Property is Assigned, or about the Opposite of L.N. Gumilyov and P.N. Savitsky]. *Vestnik Evrazii* 4 (15): 5–19.
- Lariuel', M. 2004. *Ideologiya russkogo evraziistva. Mysli o velichii imperii* [Ideology of Russian Eurasianism: Thoughts about the Greatness of the Empire]. Moscow: Natalis.
- Lavrinova, N.N. 2013. Kategoriiia “mestorazvitie” v kontseptsiiakh russkikh myslitelei nachala XX veka [Category “Locality Development” in the Concepts of Russian Thinkers of the Beginning of the XX Century]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniia i protsessy* 11 (57): 199–202.
- Matveeva, A.M. 2016. *Geopoliticheskaia kontseptsiiia istorii Rossii P.N. Savitskogo* [Geopolitical Concept of the History of Russia by Piotr N. Savitsky]. M.: Prometei.
- Melikh, Yu.B. 2013. Evraziitsy kak “osoznavateli kul'turno-istoricheskogo svoebraziiia Rossii” [Eurasians as “Sozdavali Cultural-Historical Identity of Russia”]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 2012: 296–327.
- Mikhailova, E.E. 2020. Evoliutsiia istoriosofskikh vozrenii N.I. Kareeva: ot Moskvy do Peterburga [Evolution of the Historiosophical Views of N.I. Kareev: From Moscow to St. Petersburg]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filosofiiia* 1 (51): 210–222.
- Mikhailova, E.E., and S.P. Belchevichen. 2012. *Pozitivizm i marksizm v Rossii: problema sotsiokul'turnogo razvitiia* [Positivism and Marxism in Russia: The Problem of Socio-Cultural Development]. Tver: Izdatel'stvo TF MGEI.
- Pashchenko, V.Ya. 2003. *Sotsial'naia filosofiiia evraziistva* [Social Philosophy of Eurasianism]. Moscow: Al'fa-M.
- Polukhin, A.N. 2007. Istoricheskaiia kontseptsiiia P.N. Savitskogo (teoretiko-metodologicheskii aspekt) [Historical Concept of P.N. Savitsky (Theoretical and Methodological Aspect)]. PhD diss. abstract, Tomsk State University.
- Prokudenkova, O.V. 2012. Kategoriiia “mestorazvitiia” v kontseptsii evraziitsev

- [The Category of “Mastersuite” in the Eurasian Concept]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* 3(12): 11–15.
- Robinson, M.A. 1992. Pis'mo P.N. Savitskogo F.I. Uspenskomu [Piotr N. Savitsky's Letter to Fiodor I. Uspensky]. *Slavianovedenie* 4: 83–85.
- Shnirelman, V.A., and S.A. Panarin. 2000. Lev Nikolaevich Gumilev: osnovatel' etnologii? [Lev Nikolaevich Gumilev: The Founder of Ethnology?]. *Vestnik Evrazii* 3 (10): 5–37.
- Shnirelman, V.A. 1996. Evraziiskaia ideia i teoriia kul'tury [Eurasian Idea and Theory of Culture]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–16.
- Shnirelman, V.A. 2002. Russkie, nerusskie i evraziiskii federalizm: evraziitsy i ikh opponenty v 1920-e gody [Russians, Non-Russians, and Eurasian Federalism: The Eurasians and Their Opponents in the 1920s]. *Slavianovedenie* 4: 3–20.
- Shnirelman, V.A. 2006. Lev Gumilev: ot “passionarnogo napriazheniia” do “nesopostavivosti kul'tur” [Lev Gumilev: From “Passion Tension” to “Incomparability of Cultures”]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 8–21.
- Sidorin, V.V. 2020. V.I.S. Solov'ev i N.I. Kareev: k tvorcheskoi istorii “Opravdaniia dobra” [Vladimir S. Solov'ev and Nikolay I. Kareev: about “Justifications of Good”]. *Solov'evskie issledovaniia* 4: 8–19. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2020.4.008-019>
- Sobolev, A.V. 1992. Svoia svoikh ne poznasha. Evraziistvo: L.P. Karsavin i drugie [Your Own Do Not Know Your Own, Eurasianism: L.P. Karsavin and Others]. *Nachala* 4: 49–58.
- Sokolov, D.E. 2008. Geopoliticheskaia teoriia P.N. Savitskogo [Geopolitical Theory by Piotr N. Savitsky]. PhD diss. abstract, St. Petersburg University.
- Vakhitov, R.R. 2013. Teologicheskaiia struktural'naia geosofiia P.N. Savitskogo [Theological and Structural Geomafia P.N. Savitsky]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 13 (304): 145–148.
- Vandalkovskaia, M.G. 1992. *P.N. Miliukov i A.A. Kizevetter: istoriia i politika* [Pavel N. Milyukov and Alexandr A. Kizevetter: History and Politics]. Moscow: Nauka.